

Валерий Дымишиц

Исай Менделевич Пульнер и его ненаписанная книга «Свадебные обряды у евреев»

1.

Степень кандидата наук была учреждена в СССР в 1934 году и в первые годы своего существования оставалась труднодостижимым и значимым шагом в академической карьере. Подразумевалось, что соискатель, защитив диссертацию, затем переработает ее в монографию.

Вероятно, то же самое должно было бы произойти и с диссертацией Исаия Пульнера «Свадебные обряды у евреев», но история распорядилась иначе. Не только книга не вышла в свет, но и диссертация не была защищена и, в сущности, даже не была дописана. Диссертант, заведующий Еврейской секцией Государственного музея этнографии (ГМЭ) Исай Пульнер, умер в страшном блокадном январе 1942 года. Останься он в живых, все равно ни его исследованиям, ни его диссертации ходу бы не было. Советский Союз, победив нацизм, сам вскоре перешел на позиции государственного антисемитизма — то брутального, то вялотекущего, так что ни о какой еврейской этнографии больше не приходилось мечтать вплоть до перестройки. Академическая иудаика начала возрождаться в России с конца 1980-х годов, но диссертационная работа Пульнера по-прежнему оставалась неизвестна ни большинству исследователей, ни тем более широкому кругу читателей¹. Только теперь, по прошествии восьмидесяти лет с момента написания, благодаря поддержке Еврейского музея и Центра толерантности эта черновая машинопись становится тем, чем ей в конце концов предназначено было стать —

¹ Рукопись диссертации И. М. Пульнера «Свадебные обряды у евреев» депонирована в архиве Российского этнографического музея (РЭМ, до этого Музей этнографии народов СССР, до этого ГМЭ). Архив РЭМ (АРЭМ). Ф. 29. Оп. 2. Д. 9 (306 л.).

монографией. Это издание имеет значение не только для этнографии, но и для истории науки: восстановив (насколько это возможно) текст Пульнера и дополнив его различными статьями и материалами, в том числе о нем самом, мы надеемся вернуть в историю науки имя этого незаурядного исследователя.

Однако насколько содержательно для современного читателя это сочинение? Конечно, за долгие годы оно не могло не устареть с методологической точки зрения, но в двух важнейших аспектах, наоборот, стало особенно интересным.

Во-первых, наиболее ценная часть материалов, которыми Пульнер иллюстрирует различные этапы свадебного обряда, это полевые записи, сделанные им во время экспедиций на Украину и в Белоруссию, а также полученные от местных собирателей. Большую часть этих материалов в наше время собрать уже невозможно. В тех местах, где работал Пульнер, зачастую давно нет еврейского населения, и, если бы не его записи, многие элементы локальных вариантов еврейской свадебной традиции были бы утрачены навсегда. Таким образом, это первая презентация собранного Пульнером обширного этнографического материала, прежде всего посвященного обрядам жизненного цикла. Полевые записи Пульнера еще ждут своей публикации.

Во-вторых, прошедшие восемьдесят лет сделали диссертацию Пульнера значимым памятником истории науки. Долгое время считалось, что выдающаяся научная школа в области иудаики, существовавшая в Петербурге в начале XX века, исчезла после революции, не оставив продолжения, так как годы послевоенного государственного антисемитизма затенили активное развитие академической иудаики в довоенном СССР. В последние годы словосочетание «советская иудаика» перестало звучать оксюмороном, тем не менее до воссоздания целостной картины ее развития еще очень далеко². Работа Пульнера позволяет лучше по-

² Интерес к иудаике в СССР оживился в последние годы. В 2009 году в РГГУ (Москва) прошла международная конференция «Советская иудаика: история, проблемы, персоналии». Ее материалы были опубликованы в сборнике: Советская иудаика: история, проблематика, персоналии. М.: Гешарим; Мосты культуры, 2017. 412 с.

нять, чему наследовала иудаика в Советском Союзе в 1930-х годах, на что она ориентировалась в концептуальном отношении, как развивалась в условиях идеологического диктата.

2.

История была неблагоприятна к изучению народной культуры евреев Восточной Европы. Тот комплекс дисциплин, который мы, не совсем уверенно, называем по-русски «академической иудаикой», возник в Германии, в первой половине XIX века, прежде всего как изучение текстов на древнееврейском языке, то есть как отрасль филологии. Затем к филологии добавилась историография еврейского народа, но еврейская фольклористика и этнография появились гораздо позже, только в первые десятилетия XX века. Фольклористы и этнографы первого поколения за короткий срок собрали значительный материал, однако опубликована была только малая часть собранного. Первая мировая война, продолжившаяся чередой революций, гражданских войн и региональных конфликтов, которые охватили всю Восточную Европу, разорила многие еврейские общины. С этого момента начинается гибель традиционной еврейской культуры, завершившаяся Холокостом. Войны и революции не только остановили экспедиционную и собирательскую работу, но во многом воспрепятствовали публикации того, что было собрано до войны, привели к разорению коллекций и архивов, распылению складывающихся научных школ. К моменту недолгой межвоенной стабилизации еврейский мир Восточной Европы, до этого по большей части заключенный в границы Российской империи, оказался разделен между несколькими недружественными государствами. Все это тоже не способствовало объединению усилий ученых и налаживанию научной коммуникации.

В 1920-х годах исследователям еврейской народной культуры пришлось многое начать заново. Совпавшие в это десятилетие несколько благоприятных факторов позволили появиться в СССР новому поколению еврейских фольклористов и этнографов. Еще продолжали работать старые еврейские культурные и научные

институции, такие, например, как Еврейское историко-этнографическое общество (ЕИЭО). Целый ряд выдающихся ученых старой школы преподавали молодому поколению. Советская власть проводила активную политику на «еврейской улице», поддерживая, хотя и в жестких идеологически рамках, еврейскую культуру, науку и образование. Уже в начале 1930-х годов ситуация начала меняться: старые негосударственные институции были закрыты, идеологический диктат стал грубее, власть взяла курс на постепенное свертывание еврейской культуры. Однако несколько молодых исследователей, использовавших «окно возможностей», открывшееся в 1920-х годах, продолжало активно работать в 1930-х. В их числе был и Исай Пульнер — один из очень немногих специалистов по еврейской этнографии, получивших профильное университетское образование.

Поколению ученых, к которому принадлежал Пульнер, так же «не повезло», как и их предшественникам. История трагически повторилась. Вторая мировая война не позволила еврейским этнографам и фольклористам, рекрутированным в науку в 1920-х годах, опубликовать материалы, которые они собрали как раз к ее началу. В пламени Холокоста погиб мир еврейских городов и местечек Восточной Европы. Послевоенная Восточная Европа стала территорией, на которой господствовал более или менее откровенный антисемитизм. Во всяком случае, после 1948 года ни о каком продолжении исследовательской и музейной работы в области еврейской культуры речи больше не шло.

3.

В тот период, когда Пульнер формировался как ученый, еще не существовало непреодолимых границ между «старой» дореволюционной и «новой» советской наукой. В 1923–1925 годах Пульнер учился в так называемом Петроградском еврейском университете, официально именовавшемся Петроградским (затем Ленинградским) институтом еврейской истории и литературы (ИЕИЛ). Одним из основателей этого последнего детища дореволюционной еврейской науки был С. М. Дубнов, сыгравший

ключевую роль в создании и работе ЕИЭО. С ЕИЭО был тесно связан выдающийся этнограф Лев Яковлевич Штернберг: он курировал экспедиции, организованные в черту оседлости в 1912–1914 годах Семеном Акимовичем Ан-ским, а в 1920-х годах возглавлял ЕИЭО. Именно Штернберг существенным образом повлиял на научные взгляды Пульнера, который учился у него и в ИЕИЛ, и в Ленинградском государственном университете (ЛГУ).

В своей исследовательской работе Пульнер выступил продолжателем дела ЕИЭО. Его первые экспедиции в Белоруссию были организованы при поддержке этого общества. В 1926 году Пульнеру поручили каталогизировать экспонаты Музея ЕИЭО, которые с 1917 года хранились в Этнографическом отделе Государственного Русского музея (впоследствии ГМЭ). Заведующий Еврейской секцией ГМЭ, Пульнер, храня и экспонируя вещи из коллекции Ан-ского, стал, по существу, «наследником» ЕИЭО и его музея, закрытых властями в 1929 году.

Ключевую роль в собирательской и исследовательской работе Пульнера сыграло наследие отца-основателя еврейской этнографии Семена Акимовича Ан-ского (Шлойме-Занвля Раппопорта, 1863–1920), чье имя Пульнер тем не менее ни разу не упоминает в своей диссертации. Ан-ский был не только писателем и этнографом, но, прежде всего, активным участником российского освободительного движения, одним из основателей Партии социалистов-революционеров (эсеров), депутатом Учредительного собрания от этой партии. В 1918 году он был вынужден бежать из Советской России. Имя Ан-ского постепенно, по мере ужесточения советского режима, изымалось из обращения³. В 1931 году Пульнер написал программную статью «Вопросы организации еврейских этнографических музеев и еврейских отделов при

³ Например, стихотворение Ан-ского «Ди швуе» («Клятва»), ставшее гимном Бунда, в 1924 году еще включили в хрестоматию для чтения в советских еврейских школах (*Spivak E. Farn yungn dor. Hilfsbukh far shul un hoyz. Driter teyl* [Для юного поколения. Пособие для школы и дома. Третья часть]. Kiev: Kiev-druk, 1924. Z. 182). Но уже несколькими годами позже имя Ан-ского оказалось полностью под запретом.

общих этнографических музеях», которая стала теоретическим обоснованием его будущей работы в ГМЭ. В этой статье Пульнер пишет, в частности:

В конце XIX в. в музейную экспозицию проникают идеи народничества через этнографов-народников, фальшиво идеализировавших малые народности и старую русскую деревню. «Пережитки» этого строительства и экспозиции сохранились и в наших музеях до последнего времени⁴.

Специалистам было понятно, что список «этнографов-народников», одновременно занимавшихся еврейским музейным строительством, состоит из одного С. А. Ан-ского, но его имя напрямую названо не было. Ан-ский мог упоминаться Пульнером во внутри-музейных обсуждениях (эту информацию сохранили протоколы заседаний в музее)⁵, но не в публикациях и не в диссертации.

Отсутствие имени Ан-ского в тексте диссертации, очевидно, вызвано невозможностью упоминать именно «враждебных» политиков, а не просто эмигрантов. Например, Пульнер неоднократно ссылается на пинкос Литовского ваада, опубликованный в журнале «Еврейская старина»⁶, но ни разу не упоминает фамилию публикатора — историка С. М. Дубнова. Очевидно, что Дубнов, так же как Ан-ский, попал в «зону молчания», поскольку был не просто эмигрантом, но в первую очередь идеологом либе-

⁴ Пульнер И. М. Вопросы организации еврейских этнографических музеев и еврейских отделов при общих этнографических музеях // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 156–163.

⁵ См. статью А. Иванова, с. 402 настоящего издания.

⁶ См с. 78, 97, 110, 225 настоящего издания. Публикация пинкоса Литовского ваада в переводе на русский и с комментариями была важнейшим историко-политическим проектом С. М. Дубнова, так как на этой подборке документов он обосновывал свои представления о политической автономии еврейских общин. См.: Областной пинкос Ваада главных еврейских общин Литвы: Собрание постановлений и решений Ваада (Сейма) от 1623 до 1761 г.: Печатано с рукописной копии, хранящейся в г. Гродне, с дополнениями и вариантами по спискам городов Бреста и Вильны / Перевод И. И. Тувима, под ред., с предисл. и примеч. С. М. Дубнова // Еврейская старина. Трехмесячник Еврейского Историко-этнографического общества. СПб., 1909–1911.

ральной Фолкспартей (Народной партии) и открытым врагом советского режима. С другой стороны, Пульнер цитирует в диссертации поэму эмигранта С. Черниховского «Свадьба Эльки» в переводе эмигранта В. Ф. Ходасевича⁷. Правда, при этом Пульнер ссылается на публикацию, вышедшую в СССР в 1928 году, когда еще существовали негосударственные издательства⁸. Очевидно, это издание не было формально запрещено и изъято, а сам факт пребывания авторов в эмиграции был не столь существенен.

Отказавшись от публичного упоминания «фальшиво идеализировавшего малые народности народника» Ан-ского, Пульнер тем не менее остался во многом привержен его воззрениям и методам. Ан-ский считал, что целый ряд элементов традиционной культуры находится на грани исчезновения и только собрание и музеефикация сохранят их для будущих поколений. В своей программной статье «Еврейское народное творчество» (1908) Ан-ский призывал: «В настоящее время перед нами стоит неотложная задача: организовать систематическое и повсеместное собрание всех видов народного творчества»⁹. Ключевое словосочетание здесь «неотложная задача». Пульнер, точно так же как Ан-ский (но с гораздо большими основаниями), сетует на гибель традиционной культуры. Он пишет в докладной записке, обосновывающей необходимость собирательской работы: «Остатки еврейской старины гибнут с невероятной быстротой в результате социалистической перестройки быта и культуры народов СССР»¹⁰.

Еще большую, сугубо практическую роль, в диссертационной работе Пульнера сыграла «Еврейская этнографическая программа “Человек”», составленная Ан-ским в 1915 году по результатам

⁷ См. с. 144–145 настоящего издания.

⁸ Пульнер ссылается на публикацию: *Черниховский С.* Еврейская свадьба / Пер. Вл. Ходасевича // *Еврейский вестник: Научно-литературный сб.* / Под ред. С. М. Гинзбурга. Л.: О-во распространения просвещения между евреями, 1928. С. 13–15.

⁹ *Ан-ский С. А.* Еврейское народное творчество // *Пережитое*, 1908. Т. 1. С. 276–314. Цит. по: *Евреи в Российской Империи XVIII–XIX веков. Сборник трудов еврейских историков.* М.; Иерусалим, 1995. С. 643.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 47. Л. 1.

его полевой работы на Украине в 1912–1913 годах. Эта этнографическая программа, предназначенная для изучения жизненного цикла от зачатия до загробного существования, содержит 2087 вопросов. Вопросы, посвященные свадьбе, составляют третью главу программы. Эта глава, в свою очередь, разделена на одиннадцать параграфов и включает 389 вопросов, с 938-го по 1327-й. Структура диссертации Пульнера во многом повторяет рубрикацию главы «Свадьба» в программе «Человек». Основным исследовательским интересом Пульнера-этнографа были обряды жизненного цикла. Как видно из его полевых блокнотов, изучая эти обряды, он использовал программу Ан-ского в качестве вопросника, зачастую не записывая в полевой блокнот свой вопрос, а просто обозначая его номером из программы¹¹.

Текст диссертации также во многом построен как череда ответов на подразумеваемые, но не приведенные вопросы из программы «Человек». Например, вопрос программы № 1279, посвященный «честности» невесты, выглядит так: «Кому показывают назавтра простыню, как это происходит?»¹² В диссертации Пульнера со ссылкой «Наши полевые записи» читаем: «Обычай показывать простыню равнину был известен в Бердичеве (вторая половина XIX — начало XX в.)»¹³. Программа Ан-ского была использована Пульнером не только для собирания полевых материалов, но и для структурирования многочисленных выписок из этнографической, мемуарной и художественной литературы. Например, вопрос № 1303 в программе выглядит так: «Опишите, как происходит “шлеер-вармес” (“обед в честь фаты”) у невесты»¹⁴. В диссертации Пульнера читаем: «В Хеломе “шлеер-вармес” происходил одновременно с “румпл” (послесвадебное угощение). После срезания волос у молодой здесь приступали к покрыванию

¹¹ Об использовании Пульнером программы «Человек» см. статью А. Иванова, с. 401 настоящего издания.

¹² *An-sky Sh. Dos yidishe etnografishe program. Ershter teyl: der mentsh. Petrograd, 1915. Z. 153.*

¹³ См. с. 284 настоящего издания.

¹⁴ *An-sky Sh. Dos yidishe etnografishe program. Ershter teyl: der mentsh. Z. 155.*

ее с помощью “шлеер”, при этом устраивали молочную пирушку, состоящую из кофе, пирожков на масле и т. п.»¹⁵. В Хеломе (еврейское название города Хелм, Польша) Пульнер не был, приведенные сведения — это материал из публикации, на которую дана ссылка. По-видимому, диссертация «Свадебные обряды у евреев» — один из самых значительных случаев применения этнографической программы Ан-ского как исследовательского инструмента.

Пульнер следовал за Ан-ским еще в одном отношении. Ан-ский составил свои программы (имеется еще «Историко-краеведческая программа» и существовала неопубликованная и несохранившаяся программа «Субботы и праздники») в расчете на то, что ему, по примеру Тенишевского бюро, удастся создать на местах сеть собирателей, которые, пользуясь его программами, будут записывать локальные варианты традиции и присылать свои записи в ЕИЭО. Война и последовавшая за ней революция помешали этому плану. Пульнер, конечно, не ставил перед собой такую амбициозную задачу, как создание сети «замлеров» (собирателей — *идиши*), тем не менее несколько человек, используя программу Ан-ского, собирали этнографические материалы и присылали ему свои записи по почте¹⁶.

4.

В 1926 году Исай Пульнер поступил на Этнографическое отделение Географического факультета ЛГУ и в 1930 году закончил его с дипломом этнографа-кавказоведа. Его обучение в университете пришлось на самый плодотворный период в работе ленинградской этнографической школы.

В 1919 году по инициативе выдающегося этнографа Л. Я. Штернберга (1861–1927) в Географическом институте был основан Этнографический факультет. В 1925 году Географический институт

¹⁵ См. с. 285 настоящего издания.

¹⁶ О работе Пульнера с собирателями см. статью А. Иванова, с. 419–420 настоящего издания.

стал географическим факультетом ЛГУ, а этнографический факультет института — этнографическим отделением этого факультета соответственно.

Начавшиеся в 1929 году в ходе сталинской «культурной революции» нападки на немарксистскую этнографию привели к упадку этнографических исследований¹⁷. В 1930 году этнографическое отделение было передано в состав филологического, затем исторического факультета, а этнография была объявлена вспомогательной исторической дисциплиной, но к этому времени Пульнер уже получил свое высшее образование.

Идеологом развития этнографии как главной общественной дисциплины выступал Л. Я. Штернберг, который считал этнографию выше истории. С его точки зрения история занимается только избранными, «историческими» народами, а этнография — всем человечеством. Недаром на его надгробии, стоящем на Петербургском еврейском кладбище, начертаны слова: «Все человечество едино». Как ученый Штернберг обладал международным авторитетом; в то же время его биография народовольца и политкаторжанина заставляла советскую власть относиться к нему с уважением. Работы Штернберга по организации рода и семьи у нивхов (дореволюционное название «гиляки») Сахалина восторженно цитировал Фридрих Энгельс, который увидел в них подтверждение идей, высказанных им в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹⁸. Высокая оценка Энгельса служила подтверждением благонадежности идей Штернберга и гарантировала ему своего рода академическую «неприкосновенность».

На этнологическом отделении преподавали кроме Штернберга еще три выдающихся этнографа — Владимир Германович Богораз (1865–1936), Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) и Евгений Георгиевич Кагаров (1882–1942).

¹⁷ Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.

¹⁸ Энгельс Ф. Вновь открытый случай группового брака // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. М., 1962. С. 364–367.

Именно Богораз привлек Пульнера к полевой работе, благодаря чему его статья «Из жизни города Гомеля»¹⁹ появилась в сборнике студенческих работ «Еврейское местечко в революции». Эта книга была одним из нескольких студенческих сборников, которые курировал Богораз, среди них: «Старый и новый быт» (Л., 1924–1925), «Революция в деревне» (1924–1925), «Обновленная деревня» (Л., 1925), «Комсомол в деревне» (Л., 1926)²⁰.

Тема свадебной обрядности, впоследствии столь значимая для Пульнера, была одной из центральных для его учителей и для всего этнографического отделения в целом. Один из студенческих сборников, подготовленных этнологическим отделением, назывался «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР». Его редактором, в отличие от других студенческих сборников, был не только Богораз, но и Штернберг. Сборник был посвящен славянскому свадебному обряду в северной и северо-восточной частях Европейской России. В нем впервые в отечественной науке был систематически описан свадебный обряд отдельного макрорегиона²¹. В тот же сборник вошла студенческая работа ученицы (и впоследствии биографа) Штернберга Н. И. Гаген-Торн, посвященная свадебному обряду в Тамбовской губернии²².

Штернберг активно участвовал в работе ЕИЭО, а после революции даже возглавил его, однако эта деятельность была связана не столько с его научными интересами, сколько с общественным темпераментом и национальным чувством. Чуть ли не единственная его научная работа, посвященная евреям и иудаизму, также пересекается и со свадебной обрядностью. Это написанная

¹⁹ Пульнер И. Из жизни города Гомеля — этнографо-экономическое исследование // Еврейское местечко в революции: очерки / Под ред. В. Г. Богораз-Тана. М.; Л., 1926. С. 187–196.

²⁰ Иванова Т. Г. Из истории русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 261.

²¹ Мыльникова К., Цинциус И. Северовеликорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / Под ред. В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберга. Л., 1926. Вып. 1. С. 17–170.

²² Гаген-Торн Н. И. Свадьба в Салтыковской вол. Моршанского у. Тамбовской г. // Там же. С. 171–195.

в 1924 году небольшая статья «Роль сохранения имени в еврейском левирате»²³.

Профессор Зеленин читал на этнографическом отделении ряд спецкурсов по этнографии восточных славян. В этих курсах предлагалось целостное системное описание обрядов жизненного цикла с одновременным рассмотрением специфики их региональных вариантов, в том числе свадебного обряда. Свадьба, ее обрядность и фольклор входили в круг интересов Зеленина с самого начала его научной карьеры. Одна из его первых работ называлась «Свадебные приговоры Вятской губернии»²⁴. В 1927 году Зеленин издал на немецком языке важнейший обобщающий труд по этнографии восточных славян «Russische (Ostslavische) Volkskunde» («Русские (восточнославянские) народные обычаи») ²⁵. Несколько параграфов этой монографии посвящены славянской свадьбе, причем с отдельным подробным описанием свадьбы у украинцев и белорусов — этнических соседей евреев Восточной Европы²⁶.

Тема свадьбы, как и других обрядов жизненного цикла, первоначально не входила в число приоритетных научных интересов Е. Г. Кагарова, по образованию филолога-классика и археолога, однако именно с изучения свадьбы начинается его вхождение в новую для него область славянской этнографии. Сначала Кагаров пишет о свадебной обрядности статью²⁷, а потом посвящает ей отдельное исследование «Состав и происхождение свадебной обрядности»²⁸. Эта работа вышла в свет в 1929 году, то есть как

²³ Штернберг Л. Я. Роль сохранения имени в еврейском левирате // Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л.: Ин-т народов Севера, 1936. С. 109–110.

²⁴ Свадебные приговоры Вятской губернии. Записал и снабдил примеч. Д. К. Зеленин. Вятка: Губ. тип., 1904. 39 с.

²⁵ *Zelenin D. K. Russische (Ostslavische) Volkskunde.* Berlin; Leipzig, 1927. 424 S.

²⁶ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 332–345.

²⁷ Кагаров Е. О значении некоторых русских свадебных обрядов // Известия Академии наук, VI серия. Т. XI. Ч. I. Пг., 1917.

²⁸ Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л., 1929. С. 152–195.

раз тогда, когда Пульнер был студентом Кагарова. Впоследствии Кагаров принимал живейшее участие в научной карьере Пульнера, когда тот уже стал самостоятельным исследователем. Кагаров поддержал присуждение Пульнеру степени кандидата наук без защиты диссертации, по совокупности работ²⁹. В диссертации Пульнера есть пометки Кагарова — критические замечания и рекомендации³⁰.

В своей диссертации Пульнер нигде прямо не ссылается на своих преподавателей, но их влияние на его интерпретации левых материалов несомненно.

5.

Прежде чем перейти к обсуждению теоретического аппарата, с помощью которого Пульнер анализировал свои материалы, следует точнее определить время написания текста диссертации. Специфика исторического момента многое определила в этом тексте, поэтому время его создания достаточно существенно. Хотя материал, позднее включенный в диссертацию, Пульнер начал собирать еще в 1920-х годах, сама рукопись была написана в достаточно сжатые сроки, в первой половине 1940 года.

Пульнер, указывая тот или иной населенный пункт, неукоснительно следует не историческому районированию, а текущему советскому административному делению. Например, он пишет: «У украинских (Захарьевка, Гусятин) и молдавских (Балта, Тирасполь) евреев приезд жениха с визитом к невесте считали распушенностью»³¹. Поселок Захарьевка (до революции слобода Херсонской губернии) и город Балта (до революции уездный город Подольской губернии) в настоящее время входят в состав Одесской области Украины. Они расположены всего лишь на расстоянии 80 км друг от друга. Культура еврейских общин этих населенных пунктов практически идентична. Однако до августа

²⁹ Отзыв Е. Г. Кагарова от 12 июля 1939 г. АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 35. Л. 7.

³⁰ См. с. 200, 249, 284 настоящего издания.

³¹ См. с. 105 настоящего издания.

1940 года Балта находилась в Молдавской АССР в составе УССР. Именно это формальное основание заставило Пульнера называть евреев Балты «молдавскими». После советской аннексии Бессарабии была создана Молдавская ССР, в состав которой вошла только часть бывшей Молдавской АССР. Демаркация границ Украины и Молдавии произошла 2 августа 1940 года, и в соответствии с ней Балта осталась в составе Украины. После этой даты Пульнер, неукоснительно следующий за текущим административным делением, не стал бы называть евреев Балты «молдавскими».

Пульнер также пишет: «В некоторых местах (Едвабне, Белостокская обл.) шадхн, приехав к отцу невесты, спрашивал и т. д.»³². Белостокская область была создана 4 декабря 1939 года, после включения Западной Белоруссии в состав БССР.

Таким образом, можно утверждать, что по крайней мере тот вариант рукописи, который нам доступен, был создан между декабрем 1939 года и августом 1940 года. Именно исходя из этого времени работы над диссертацией следует анализировать, что в нее вошло, а чего в ней не хватает, и строить предположения о том, почему она не была закончена.

6.

Диссертация Пульнера выглядит откровенно незавершенной; более того, кажется, что работа над ней оборвалась спонтанно, на полуслове, летом 1940 года. До начала Великой Отечественной войны оставался еще год, но автор не возвращался к своей рукописи. Например, в машинописи были оставлены свободные места, чтобы впечатать туда тексты на идише. Пульнер впечатывает и вписывает цитаты и отдельные слова на идише в первую треть машинописи, а потом прекращает это делать, оставляя незаполненные пробелы. Точно так же с какого-то места в машинописи отсутствуют подстраничные сноски со ссылками на источники, хотя в тексте эти сноски указаны.

³² См. с. 64 настоящего издания.

Можно только гадать, почему диссертация не была завершена. После аннексии Советским Союзом восточных окраин Польши Пульнер увидел для себя новые собирательские и исследовательские возможности, так как традиционная еврейская культура во вновь присоединенных регионах была гораздо сохраннее, чем на «исконной» советской территории. Летом 1940 года границы СССР еще раз передвинулись на запад за счет аннексии Бессарабии, Буковины и прибалтийских республик. Потенциальное исследовательское поле для Пульнера как для специалиста в области еврейской этнографии опять расширилось³³. Не исключено, что именно планы новых экспедиций остановили работу над почти дописанной диссертацией.

В рукописи диссертации «Свадебные обряды у евреев» кроме отсутствующих цитат и сносок бросается в глаза отсутствие введения: текст начинается сразу с изложения конкретного материала. Нет ни теоретических и методологических оснований, на которых построено исследование, ни описания его целей. В работе отсутствует история изучаемого вопроса в контексте этнографии народов Восточной Европы, а также еврейской этнографии.

Вообще научный аппарат диссертации Пульнера достаточно беден. Полностью отсутствуют ссылки на работы теоретического или компаративного характера, не считая двух упоминаний «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса в первой главе³⁴. Ими исчерпываются все упоминания классиков марксизма-ленинизма.

Даже ритуальное для советского исследователя обличение религии выглядит в диссертации вялым и формальным. Пульнер пару раз заявляет о том, что реакционные клерикалы пытались ограничить народное веселье³⁵, однако примеров таких ограничений почти не приводит. Вообще «Свадебные обряды у евреев» выглядят совершенно не идеологизированным текстом. Кажется, главная зада-

³³ Об экспедиционных планах Пульнера см. с. 393 настоящего издания.

³⁴ См. с. 39, 45 настоящего издания.

³⁵ См. с. 95, 98 настоящего издания.

ча автора состоит в том, чтобы собрать и предъявить в систематическом виде как можно больше эмпирического материала.

Еще одной очевидной лакуной в диссертационной работе Пульнера является полное отсутствие сравнения еврейских обрядов со славянскими. Любому человеку, хотя бы немного знакомому с этнографией Восточной Европы, сразу же бросается в глаза сходство элементов еврейской и славянской свадебной обрядности. Такие детали ритуала, как усаживание невесты на квашню, поход с невестой в баню, встреча поезда жениха и невесты людьми в вывернутых наизнанку шубах, свадебный хлеб и многое другое, находят очевидные параллели в свадебной обрядности белорусов и украинцев.

Несомненно, Пульнер был знаком со славянскими свадебными обрядами. Его преподаватели, прежде всего Зеленин и Кагаров, говорили о них на своих лекциях, они, равно как и другие этнографы, много писали о свадьбе в своих работах, которые не могли пройти мимо Пульнера. Это видно и из текста его диссертации: например, он везде называет следование к хупе и от хупы специфическим славянским термином «поезд», а не нейтральным словом, допустим «процессия».

Учителя Пульнера всегда настаивали на компаративном подходе к изучению народной культуры и сами практиковали такой подход в своих исследованиях. В конце 1920-х годов Штернберг сформулировал, как пародию на библейский Декалог, «Десять заповедей этнографа». Эти «заповеди» в шуточной форме выражали кредо его научной школы, в том числе обязательность компаративного подхода. Вторая заповедь гласила: «Не сотвори себе кумира из своего народа, своей религии, своей культуры. <...> Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной»³⁶.

Отсутствие компаративного подхода в тексте диссертации выглядит тем более странно, что он широко представлен в предыдущих публикациях Пульнера. В них он сравнивал свои по-

³⁶ Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Сов. этнография. 1971. № 2. С. 142–143.

левые материалы как с данными славянской этнографии, так и с наблюдениями над обрядами неашкеназских еврейских этносов. Например, в статье «Обычаи и верования, связанные с беременностью, родами и новорожденными у евреев» было проведено сравнение материалов, собранных в 1927 году в Заверезье (Белоруссия), с источниками по славянской обрядности, с одной стороны, и с работами З. Амитина-Шапира, посвященными бухарским евреям, с другой³⁷. Материалы из Заверезья впоследствии составили заметную часть диссертации Пульнера. В своей программной статье, посвященной экспонированию еврейских коллекций в музеях, Пульнер настаивает на тесной взаимосвязи культуры того или иного еврейского этноса с культурой региона проживания и влиянием этнических соседей. Пульнер пишет: «Все они <различные еврейские этносы> представляют собою отдельные этнические еврейские группы, проживающие обособленно друг от друга в окружении местных физико-географических условий, в окружении и тесной связи с местной социально-экономической средой, под влиянием которых и развивается культура каждой этнической группы»³⁸.

В июле 1939 года Е. Г. Кагаров рекомендовал присудить Пульнеру степень кандидата наук без защиты диссертации. Отмечая компаративный подход как достоинство, присущее работам Пульнера, он писал:

В своих исследованиях И. М. Пульнер проложил новые пути в исследовании малоизученных вопросов этнографии евреев в СССР. <...> Эти исследования автор проводит с учетом сложных взаимовлияний культуры и быта евреев СССР и окружающего населения. Особенно важны исследования т. Пульнера об обрядах и верованиях, связанных

³⁷ Пульнер Й. Обряди й повір'я, сполучені з вагітною, породілею й народженням у жидів // Етнографічний вісник / Всеукр. Акад. наук, Етногр. коміс. За голов. редакції акад. А. Лободи та В. Петрова. Кн. 8. Київ, 1929. С. 100–114.

³⁸ Пульнер И. М. Вопросы организации еврейских этнографических музеев и еврейских отделов при общих этнографических музеях // Советская этнография. 1931. № 3/4. С. 157.

с рождением, свадьбой и смертью. <...> Автор привлекает собранные им впервые материалы, а также многочисленные аналогии из быта других народов³⁹.

Однако ни следа этих «аналогий» не найти в тексте диссертации.

Отсутствие теоретического обсуждения собранных материалов трудно объяснить незавершенностью диссертации, потому что хотя работа над оформлением машинописи не была закончена, но сама диссертация была доведена до конца, включая раздел «Общие выводы». Можно предположить, что причиной послужили прошедшие в СССР в 1930–1932 годах дискуссии о месте этнографии в ряду других общественных наук, которые привели к объявлению этой дисциплины «вспомогательной». Статус этнографии был резко понижен, что надолго отбило у этнографов интерес к теории, столь значимый для учителей Пульнера во второй половине 1920-х годов, то есть в годы его студенчества.

Что касается отказа от компаративного подхода, возможно, это было связано с тем положением, в котором находилась возглавляемая Пульнером Еврейская секция. На отдельное структурное подразделение в ГМЭ могли претендовать только этносы, обладающие административным рангом не ниже автономной республики. Вскоре после создания в 1934 году Еврейской автономной области (ЕАО) на Дальнем Востоке пошли разговоры о том, что вскоре ее ранг будет повышен до автономной республики. Еврейская секция была создана во многом под влиянием этих надежд и обещаний. После 1937 года, когда переселение в ЕАО было остановлено и разговоры о создании автономной республики стихли, положение Еврейской секции стало достаточно шатким. В этой ситуации обсуждать черты сходства между еврейской и славянской культурами означало провоцировать закрытие секции и возвращение ее материалов в Белорусский отдел, где они прежде находились⁴⁰.

³⁹ Отзыв Е. Г. Кагарова от 12 июля 1939 г. АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 35. Л. 7.

⁴⁰ Подробней о судьбе Еврейской секции ГМЭ см.: *Иванов А.* «В поисках нового человека на берегах рек Биры и Биджана»: еврейская секция Государственного музея этнографии в Ленинграде (1937–1941) // Советская гениза: новые архивные разыскания по истории евреев в СССР. Т. 1 / Сост. и отв. ред. Г. Эстрайх, А. Френкель. СПб.: Academic Studies Press, 2020. С. 171–292.

Каковы бы ни были причины, подтолкнувшие Пульнера к отказу от теоретического анализа и компаративного подхода, это объективно означало шаг назад, возвращение еврейской этнографии на тот уровень, на котором она находилась во времена Ан-ского, то есть на уровень романтического национализма, подчеркивающего уникальность и особость еврейской народной культуры. Это объективно соответствовало тому реакционному повороту в общественных науках, который все больше давал о себе знать на рубеже 1930–1940-х годов.

7.

Анализируя собранные материалы, Пульнер, в основном, опирается на идеи своих учителей.

Ключевую роль в формировании Пульнера как исследователя сыграл Штернберг, за которым он следует даже в мелочах. Например, Пульнер пишет: «В связи с обычаем угощать молодых при разговении куриным бульоном следует отметить роль курицы и петуха в свадебной обрядности у евреев. <...> Курица и петух известны и в свадебной обрядности польских евреев (XVI век): по окончании обряда хупы родные кружили над головами молодых петуха или курицу как символ плодородия»⁴¹. В кружении курицы или петуха над головой отчетливо опознается обряд «капорес», характерный для Йом Кипура. Связь свадебной обрядности с идеей покаяния и очищения, то есть с Йом Кипуром, очевидна, говорит о ней в том числе и Пульнер⁴², а то, что курица или петух являются «символами плодородия», он никак не обосновывает. Между тем это просто повторение рассуждения Штернберга о том, что различные птицы являются атрибутами солярного божества, влияющего на плодородие, в том числе на чадородие в браке. В частности, Штернберг пишет: «Вот почему в брачной церемонии такую роль играют птицы; между прочим, курица и петух и до сих пор еще играют местами роль

⁴¹ См. с. 246 настоящего издания.

⁴² См. с. 164 настоящего издания.

в обрядах русской свадьбы, также у евреев и др.; у евреев жениха и невесту на свадебном пиру кормят специально птицей»⁴³. Очевидно, Штернберг имеет в виду именно «золотой бульон», который подавали новобрачным. Характерно, что приведенная выше цитата из Штернберга присутствует в его опубликованных «Лекциях по эволюции религиозных верований, читанных в 1925/26 и 1926/27 учебных годах», то есть Пульнер должен был не только читать, но и непосредственно слышать это мнение своего учителя. При этом ссылка на работу Штернберга отсутствует. Впрочем, в тексте диссертации вообще отсутствуют, как уже было сказано, ссылки на какие-либо работы общего характера. Пульнер предусмотрительно старался держаться в стороне от всякой теории. В предисловии к вышедшему в 1936 году изданию избранных работ Штернберга его уже активно критиковали за «недопонимание» марксизма⁴⁴. В 1940 году взгляды Штернберга выглядели еще менее приемлемыми.

Пульнер настойчиво повторяет: различные этапы брачной обрядности у ашкеназов содержат элементы купли невесты. Брак путем приобретения или умыкания невесты при родовом строе — одна из ключевых концепций для Моргана и Энгельса, а также для Штернберга, который всецело разделял их взгляды. Однако все литературные свидетельства и этнографические наблюдения, в том числе во множестве приводимые Пульнером, свидетельствуют о том, что эта концепция не имеет никакого отношения к ашкеназам: семья невесты, если она обладала достатком, наоборот, стремилась «купить» жениха, то есть выплачивала приданое, преподносила жениху подарки, оплачивала свадьбу, брала молодую семью на содержание. Тем не менее Пульнер постоянно пишет о «купле невесты», например: «Тноим (условия, заключаемые при

⁴³ Штернберг Л. Я. Лекции по эволюции религиозных верований, читанные в 1925/26 и 1926/27 учебных годах // Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л.: Ин-т народов Севера, 1936. С. 410.

⁴⁴ Алькор Я. П. Предисловие редактора // Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л.: Ин-т народов Севера, 1936. С. V.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru